

Кто-то убил мать ученого-математика Константина Данина и украл его научные наработки, которым он посвятил полжизни. В убийстве подозревают самого Данина. Помочь Константину пытается его школьная учительница Валентина Ипполитовна вместе со своими бывшими учениками Таней и Феликсом. Они начинают собственное расследование. Валентина Ипполитовна подозревает, что убийцу нужно искать среди коллег Константина, которые также бились над доказательством великой теоремы Ферма...

— А могла смертельный удар нанести женщина?
— Почему бы и нет? Для этого особой силы не требуется. На лбу Виктора Стрельникова прорезались морщины. Он вспомнил мелькнувшее вчера подозрение и искоса взглянул на шуструю пенсионерку. А что, это распространенный случай — когда убийца прикидывается главным свидетелем. Ходит тут, выпытывает, стараясь быть в курсе всех нюансов.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4527-3

ФОРМУЛА УБИЙСТВА

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

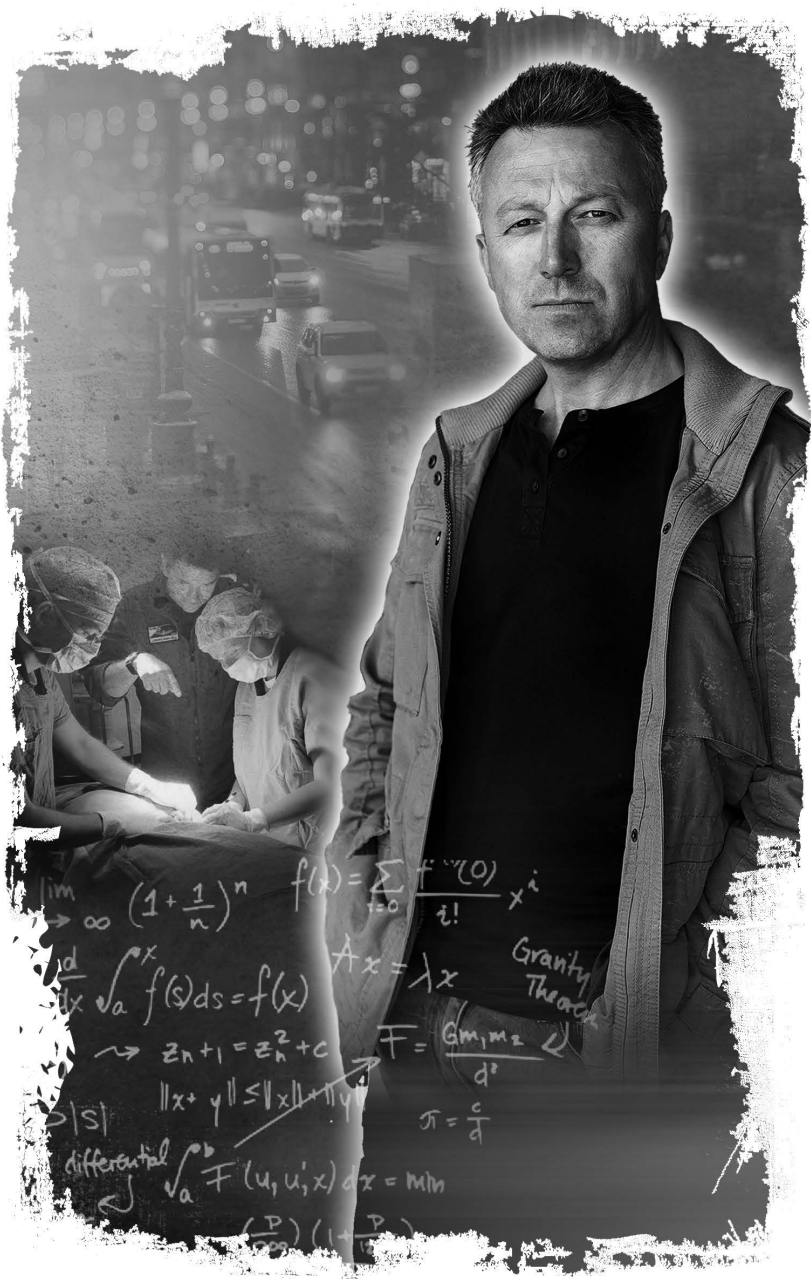

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ФОРМУЛА
УБИЙСТВА

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

$\lim_{n \rightarrow \infty} \left(1 + \frac{1}{n}\right)^n$ $f(x) = \sum_{i=0}^{\infty} \frac{f^{(i)}(0)}{i!} x^i$

$\int_a^x \sqrt{a} f'(s) ds = f(x)$ $Ax = \lambda x$ Gravity Theory

$z_{n+1} = z_n^2 + c$ $F = \frac{Gm_1m_2}{d^2}$

$\|x + y\| \leq \|x\| + \|y\|$ $\sigma = \frac{c}{d}$

differential $\int_a^b \sqrt{a} F(u, u', x) dx = \min$

$\left(\frac{P}{Q}\right) \left(1 + \frac{P}{Q}\right)$

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

**ФОРМУЛА
УБИЙСТВА**

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Б19

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

- © Бакшеев С., 2017
- © DepositPhotos.com / khorzhevskaya, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ISBN 978-617-12-4527-3

Число есть сущность всех вещей.

Пифагор

1

Дверь в квартиру открылась легко, отмычка оказалась подобрана идеально. Старый ворсистый коврик в прихожей тоже порадовал — следов не останется. Да и денек сегодня в Петербурге, несмотря на середину октября, выдался сухим, с легким ветром. Золоченые шпили и кресты соборов блестели в лучах низкого северного солнца, так что темные очки на лице, прикрытом капюшоном, выглядели вполне уместно. В такую погоду даже любопытные старушки-домоседки выползают из двора-колодца и не спешат вернуться обратно в промозглую серость. Оптимальный день для задуманного преступления. Да и не преступление это вообще, а настоящий благородный поступок, которому суждено войти в историю.

Человек, проникший в квартиру, попытался унять нарастающее возбуждение, осмотрелся. Прямо по коридору — кухня и ванная, справа — единственная комната. Неужели в этой обшарпанной неухоженной квартирке хранится разгадка Великой тайны, за которой сотни лет охотились лучшие умы человечества? Если это так — мир издевательски несправедлив. Хотя великолепные алмазы тоже находят среди грязной руды.

А вдруг квартира пуста? От неприятной мысли заныло под сердцем. Нет, это исключено! Гениальное сокровище здесь! Опасный визит должен принести долгожданную награду.

Худая, немного сутулая фигура остановилась на пороге комнаты.

Старый диван, рабочий стол с бумагами, книжный шкаф, забитый научной литературой, за ширмой виднеется узкая кровать,

в углу — старомодная этажерка с нелепыми безделушками, и больше ничего. Нет даже телевизора или компьютера. Правильно говорят: сытость — сестра лени и подружка праздности. Генни во все времена жили бедно. А вот умные люди рядом с ними должны жить хорошо! Так повелось испокон веков, и менять что-то совершенно ни к чему.

Почувствовав сладостный озноб предвкушения, человек поправил перчатки и пошел к столу. Глаза пожирали стопку бумаг и блокнотов, желанный миг приближался.

И в этот момент в замочной скважине заскрежетал ключ!

Виски покрылись холодным потом, глаза забегали. Кого еще нелегкая принесла раньше времени?

Фигура в синей куртке с капюшоном метнулась в кухню.

Скорее всего, вернулся математик. Его абсурдные поступки не поддаются четкому прогнозу. Он наверняка потащится к рабочему столу, и на кухне будет безопаснее. Появится возможность осмыслить сложившуюся ситуацию.

Однако из прихожей послышались старческое сопение и шаркающие шаги.

Старая карга вернулась!

По всем расчетам, она должна была потратить на поход в магазин как минимум час. Но она вернулась сразу! Что ее принесло? А вот и причина — потертый кошелек на кухонном столе: проклятая тетка забыла деньги! Как трудно иметь дело с бестолковыми стариками...

Шаги приближались. Застигнутый врасплох гость вытянулся вдоль стены между холодильником и распахнутой дверью. Это единственное место, где можно спрятаться.

Если хозяйка возьмет кошелек и, глядя в пол, удалится, то ничего не потеряно. А если заметит? Дверь-то из матового стекла. Как много неприятных «если»! Неужели из-за никчемной тетки сорвется хороший план? Отступить нельзя, дело зашло слишком далеко. Величайшая ценность где-то рядом, на пути к ней — лишь жалкая бесполезная старуха. Справиться с ней легко, достаточно толкнуть, и путь свободен. Но бежать сразу глупо. Тогда простого толчка будет мало, надо бы ее на время выключить, чтобы успеть найти то, ради чего все это затеяно.

Качнулась дверь, грузная хозяйка вошла в кухню.
Чем бы шарахнуть ее по голове? И как рассчитать силу удара?

2

Дежурный по району капитан милиции Рыжков дожеввал бутерброд с колбасой, запил его остывшим чаем и только после этого неохотно поднял трубку дребезжащего телефонного аппарата. Хотя смена только началась, его голос был профессионально уставшим.

— Дежурный слушает. — Пухлощекий капитан стряхнул с губ мягкую крошку, она попала на решетку микрофона, и ему пришлось сбить ее ногтем. — Да слушаю я вас, слушаю! Не тараторьте, излагайте по порядку. Фамилия? Я спрашиваю вашу фамилию.

Капитан уныло выслушал сообщение врача скорой помощи о том, как та приехала на вызов о сердечном приступе и застала бездыханное тело пожилой женщины.

— Ну а нам-то чего звоните? Разбирайтесь с ней сами.

Рыжков хотел было положить трубку, но его остановил торопливый возглас врача:

— Да труп-то по вашей части — криминальный!

— С чего вы взяли? — болезненно поморщился капитан.

— На голове заметен след от удара.

— Кровь есть?

— Немного. Ссадина с кровоподтеком.

— Череп проломлен?

— Нет.

— Ну, вот видите! Старушке стало плохо с сердцем, она упала...

— Послушайте, — возмутилась врач, — я не сопливая стажерка и достаточно насмотрелась на трупы! Сердце тут ни при чем! Можете игнорировать мой звонок, но в отчете я укажу, что сообщала вам.

— Ладно, ладно, — пошел на попятную капитан милиции, прекрасно понимая, что опытный врач скорой вряд ли ошибается в таких вопросах. — Как давно наступила смерть?

— Не больше часа назад.
— Кто вызвал скорую?
— Соседка, знакомая убитой. Она здесь.
— Замечательно. Соседку не выпускайте. Всем оставаться на месте и ничего не трогать. Сейчас пришло бригаду. Диктуйте точный адрес.

Капитан записал адрес квартиры, фамилию жертвы и жестом остановил шедшего мимо оперативника. Закончив разговор по телефону, он подмигнул перехваченному коллеге:

— Долго дрыхнешь, Стрельников. Очередная подружка из постели не отпускала?

— Если бы... Я с опроса по заданию следователя. Торчал на остановке, свидетелей вылавливал.

Подтянутый тридцатилетний оперативник расстегнул потертую турецкую кожаную куртку, и в его пальцах невесть откуда оказалась сигарета.

— Вот тебе, Виктор, новое задание. Бери адресок и дуй с ребятами на квартиру. Да не ерпенься ты раньше времени, тут рядом.

— Чего там? — оперативник угрюмо взглянул на протянутую бумажку.

— Старушка окоурилась. Некая Софья Евсеевна Данина. Думаю, ей помогли, а может, и несчастный случай.

— Если мокруха, вызывай сразу прокурорских. У них эксперты...

— А у нас Семеныч сегодня дежурит. Он у мухи отпечатки лапок на лету может снять. Давай, давай, мне твое недовольство видеть ни к чему. Там уже толкуются врач, свидетель. Это же не казник, а бытовуха — по горячему раскроете. Тебе чего, галочка в отчетности повредит?

Стрельников сунул в рот сигарету и сжал узкие губы. Пальцы ловко играли одноразовой зажигалкой. Досада на волевом красивом лице сменилась раздумьем. Чиркнуло колесико зажигалки, задрожал язычок голубого пламени.

— А курить тут не надо, — остановил оперативника дежурный. — В своем кабинете можешь дымить сколько угодно. А еще лучше — по пути покуришь. Бери людей и дуй на место.

— Машину даешь?

— Бери, пока свободна. Только недолго там. Дело, чувствую, плевое.

Спустя двенадцать минут трое сотрудников милиции поднимались на третий этаж старого питерского дома с проходным двором. Старший лейтенант Виктор Стрельников уверенно шел первым. За ним топал накачанный молодой опер Алексей Матыкин со сплюснутым боксерским носом и сбитыми костяшками пальцев. Последним мягко ступал эксперт Барабаш, сорокапятилетний темноглазый мужчина с тонкими усиками и несколько надменным выражением лица. В отделе его уважительно величали Семенычем. В руке эксперт бережно нес потрепанный за годы службы чемоданчик.

Еще на подходе к парадному Стрельников профессионально отметил, что двор пуст. Невзирая на ясную погоду, низкие солнечные лучи сюда не проникали, так что надеяться на наблюдательных пенсионеров, греющихся на скамейке, не приходилось. В такие дни они предпочитают выходить на проспект или направляются к набережной.

Врач скорой помощи, крупная женщина с прокуренным голосом, встретила милиционеров благородным негодованием.

— Наконец-то! У меня, к вашему сведению, еще вызовы имеются. И никто мне их не отменит.

— Старший оперуполномоченный Стрельников, — сухо представился милиционер. Он давно убедился, что официальный тон, развернутое удостоверение и рукоять пистолета, мелькнувшая под мышкой, лучше всего сбивают с обывателей ненужную спесь.

— Маслова Вера Анатольевна, врач скорой, — сдержанно ответила женщина.

Стрельников оставил Алексея при входе, а сам вместе с Семенычем прошел на кухню, откуда виднелись подошвы стоптанных туфель лежащей на полу женщины. Врач семенила за ними.

— Расскажите, Вера Анатольевна, как вы нашли тело?

— Мы приехали по вызову, предполагали инфаркт, а тут... Я с первого взгляда поняла, что опоздали. Вот, сами посмотрите.

Пожилая полная женщина в расстегнутом пальто лежала на спине. Ее глаза были закрыты, на бледном лице застыла гримаса боли. Рядом валялись осколки разбитой стеклянной вазы и три

поникшие розы в лужице мутной воды. Оперативник прикинул, где могла располагаться ваза. Выходило, либо на кухонном столе, либо на невысоком холодильнике. Обратил он внимание и на нетронутый кошелек на краю стола, и на закрытую женскую сумочку на полу.

— Продолжайте рассказ, Вера Анатольевна, — напомнил Стрельников. — Как вы установили причину смерти?

— Сначала я расстегнула верхнюю одежду на груди женщины, хотела сделать укол, но пульс и дыхание полностью отсутствовали. Потом я подняла голову и заметила след от сильного удара в затылочной области. Для этого мне пришлось снять с нее берет. Он на табуретке.

Виктор Стрельников кинул взгляд на тонкий коричневый берет: такой головной убор не спасет от сильного удара.

— Она не могла стукнуться при падении?

— Нет. Ссадина со следами кровоподтека расположена в верхней части головы. Так не ударишься об пол. К тому же она падала вперед лицом.

— Лицом?

— Да. Левая кисть имеет характерный перелом. Пыталась опереться при падении, но возраст и вес...

Невозмутимый Семеныч, осматривавший тело, энергично кивнул, подтверждая слова врача:

— Ударили тупым предметом сзади. Предположительно разбитой вазой. Удар несильный, но много ли старушке надо...

— Выходит, стопроцентная мокруха. А тело уже ворочали, да и наследили немало, — безэмоционально констатировал старший лейтенант.

— Я больше ни к чему не прикасалась, — поспешила оправдаться врач.

— Кто первый обнаружил... пострадавшую?

Стрельников хотел сказать «труп», но вовремя перестроился, чтобы не травмировать попусту чувства близких или соседей. Нет ничего хуже, чем опрашивать свидетелей, находящихся на грани нервного срыва.

— Меня встретила пожилая дама. Она в комнате, — указала врач и спросила: — Я могу идти?

— Сначала ваши показания запишет наш сотрудник. Потом, если у эксперта не возникнет дополнительных вопросов, вы будете свободны. — Стрельников позвал из коридора опера-боксеры: — Алексей, займись врачом. Устройтесь где-нибудь. На кухню не входить, там Семеныч работает.

— А где же нам? — Матыкин с готовностью доставал бумаги.

— Да хоть в ванной. А я — в комнату. Там главная свидетельница.

Старший лейтенант вошел в жилую комнату. За столом спиной ко входу сидела худенькая, совершенно седая женщина в расстегнутом бежевом плаще с приподнятым воротником. Рядом лежала миниатюрная шляпка в тон плащу. Женщина увлеченно перелистывала книгу в мягкой обложке, держа ее на вытянутой руке, и обратила внимание на сотрудника милиции, только когда тот крякнул в кулак и представился.

— Вишневская. Пенсионерка, — с достоинством ответила дама, словно произносила дворянский титул.

Она осталась сидеть, лишь повернулась на скрипучем вращающемся пластиковом кресле. Теперь Стрельников мог ее разглядеть лучше.

Гордая осанка, атласные волосы, скрепленные сзади смелой заколкой, ухоженные брови, маленькие золотые серьги и чуть подкрашенные губы говорили о том, что хозяйке небезразличен ее внешний вид. Вытянутая шея была предусмотрительно укутана легким платком, однако многочисленные морщины вокруг глаз предательски выдавали ее возраст (хорошо за пятьдесят) и образ жизни (вечно занята чтением).

— Кем вы приходитеесь хозяйке квартиры?

— Я ее знакомая... старая знакомая. Живу в соседнем доме, из арки направо.

— Вы подтверждаете, что женщина в кухне — это Софья Евсеевна Данина?

— Несомненно, это она.

Оперуполномоченный был несколько удивлен спокойным, рассудительным тоном собеседницы. Он больше привык к женским истерикам и обморокам при виде трупа.

— Когда вы видели хозяйку квартиры последний раз? Я имею в виду, живой.

— Сегодня. Не больше часа назад.

— Даже так? Расскажите об этом поподробнее.

— Два раза в неделю мы с Софьей Евсеевной ходим в магазин. Она старше меня, я помогаю ей покупать продукты. Сегодня мы созвонились и, как обычно, договорились встретиться около магазина. Знаете, «Продукты», угловой магазин на проспекте?

Виктор кивнул, свой район он знал хорошо.

— Но Софья обнаружила, что забыла кошелек, — продолжила пенсионерка. — Я предложила дать ей в долг, но она ни в какую. Погода, говорит, хорошая, спешить некуда, прогуляемся. Мы вернулись к ее дому. Я осталась на улице, там солнышко, а она зашла во двор. Я ждала минут пятнадцать, потом стала беспокоиться, не случилось ли чего.

— Так вот сразу? — старший лейтенант намеренно округлил глаза.

Женщина поспешила уточнить:

— С возрастом здоровье, сами понимаете, лучше не становится. А Софья в последнее время на лекарствах жила: лишний вес, давление, диабет...

— И вы решили пойти за ней?

— Да.

— Во время ожидания и потом, когда вошли во двор, вы кого-нибудь заметили?

— По улице, естественно, проходили люди. Но все — мимо.

— А из арки кто-нибудь появлялся?

— Нет. — Женщина уверенно покачала головой. — Точно нет. Я ждала Софью с минуты на минуту и все время наблюдала за аркой. Но, вы знаете, из этого двора можно выйти и на другую улицу. Если к метро, так короче.

— А в парадном? Когда вы поднимались...

— Никого не было. Я бы сразу вам об этом сообщила. Пока вы до нас добирались, товарищ милиционер, — с укоризной заметила Вишневская, — у меня было достаточно времени, чтобы все как следует вспомнить.

«Или придумать версию, как скрыть свою причастность к преступлению», — невольно подумал старший лейтенант, глядя на невозмутимую женщину: убита ее близкая подруга, а она сохраняет железное спокойствие, книжку листает.

— Теперь расскажите, как вы зашли в квартиру.

— Дверь была лишь прикрыта. Я позвонила и сразу толкнула ее. А потом заметила Софью. Ее ноги были видны с порога. Я решила, что ей стало плохо и она упала. Пройдя в кухню, я повернула ее, потрясла, брызнула водой. Но тщетно, она не приходила в сознание. И я сразу вызвала скорую. Пока ехали врачи, я огляделась и заметила разбитую вазу, увидела ужасный след от удара на голове Софьи.

— Хорошо. Допустим, это так...

— Что значит, допустим? Вы мне не верите? — возмутилась седая женщина. Ее маленькие серые глазки требовательно впелись в Стрельникова.

Старший лейтенант проигнорировал недовольство. Пора ставить ее на место, решил он: свидетель, первым обнаруживший тело, нередко оказывается убийцей.

— Как вы могли заметить ссадину на голове, если Данина в тот момент была в берете? — ледяным голосом спросил оперативник.

— Это хорошо, что вы так внимательны, — спокойно отреагировала женщина, выдержав напористый взгляд милиционера. — На голове Софьи действительно был берет. Я ощутила пальцами слипшиеся от крови волосы, когда перевернула ее на спину и поправила голову, чтобы ей удобнее было лежать.

— Получается, в момент обнаружения Софья Евсеевна лежала лицом вниз?

— Да. Я готова показать, как это выглядело.

— Чуть позже, — отрезал Стрельников, вновь поразившись спокойствию пожилой свидетельницы.

Он осмотрел простенькое убранство квартиры. «А брать тут, похоже, нечего. На ограбление никак не тянет, даже кошелек на месте. Значит, бытовуха? — задумался старший лейтенант и сам себе ответил: — Скорее всего. Хотя следов пьяного застолья

и не наблюдается, но нынче времена такие, что убивают и с помехелья, и просто от дури, как в прямом, так и в переносном смысле».

Стрельников обошел комнату и вновь обратился к Вишневской:

— Скажите, кто еще проживает в этой квартире?

— Сын Софьи Евсеевны, Константин.

— Та-ак. И чем он занимается?

Глаза седой женщины лукаво вспыхнули. Вместо ответа она неожиданно предложила:

— Виктор Стрельников, вы же сыщик. Догадайтесь сами! — Слова прозвучали дерзко, как преднамеренный вызов.

Старший лейтенант осекся. Он почувствовал себя словно на экзамене. Мысль осадить странного свидетеля даже не появилась. Он еще раз пробежал взглядом по комнате.

Отовсюду веяло неухоженностью: покосившийся карниз над окном, заматанная скотчем треснувшая ножка этажерки, разболтанная настольная лампа, да и на кухне кран капал. Непохоже, чтобы здесь жил рукастый работага. А вот многочисленные книги и научные журналы явно говорили о том, что в квартире обитает этакий ботаник в очках, которому даже телевизор не нужен. Он вечно погружен в бумаги — вон как вытерт паркет под креслом у письменного стола.

Стрельников остановился у небольшого портрета бородатого мыслителя над этажеркой. Напоминает писателя или ученого. Но явно не Эйнштейн с высунутым языком, и на Хемингуэя не похож, портреты этих двоих старший лейтенант знал хорошо, их обожала вешать на стены питерская интеллигенция времен молодости его родителей. Ученые и писатели, как эстрадные звезды и спортсмены, тоже подвержены моде, каждое поколение выбирает своих кумиров. Вот сейчас, когда наступило время всеобщего хаоса в мыслях и поступках, властителями дум стали денежные мешки и вертлявые телезвезды свободных нравов.

За спиной закрипело кресло, пожилая свидетельница соизволила встать.

— Не узнаете, Виктор Стрельников?

Старший лейтенант удивленно обернулся. Женщина с нескрываемой иронией глядела на него. Что она хотела сказать своим вопросом? Кого он не узнает? Бородача на портрете? Профессию жильца? А может быть, ее?

— А я, как услышала «стреляющую» фамилию да посмотрела на вас, сразу узнала. Здравствуйте, Виктор.

Женщина демонстративно прошла по комнате, заметно припадая на левую ногу. И тотчас в памяти милиционера всплыл школьный урок.

— Вишневская! Учительница по математике, — растерянно пролепетал он.

— Как дважды два — четыре! Я та самая Валентина Ипполитовна Вишневская, — подтвердила догадку смелая женщина, никогда не стеснявшаяся своей хромоты и вызывающей седины. Она выждала паузу и снисходительно указала на портрет: — А это — Пифагор, величайший математик древнего мира. Я вам рассказывала о нем в школе. Вспоминаете?

3

510 год до Р. Х. Кротон. Древняя Греция

Рев толпы под окнами становился все более угрожающим. Пифагор¹ окинул взором растерянные лица нескольких учеников, пригладил убеленную сединой бороду и, сохраняя достоинство, вышел на балкон. Внизу десятки факелов, дрожащих в нетвердых руках, боролись с темнотой сгущающейся ночи. Весь двор знаменитой математической школы был заполнен беснующейся толпой. Большой дом, в котором Пифагор жил со своими лучшими учениками, а также соседний дворец правителя города Кротона были окружены негодующим народом. Двери зданий

¹ Пифагор (ок. 570—490 гг. до н. э.) — древнегреческий математик и философ. Родился и жил на острове Самос. Затем поселился в г. Кротон (Южная Италия), где основал философско-научную школу. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

были забаррикадированы изнутри, но вряд ли такая мера представляла серьезное препятствие для восставшего люда.

Заметив на балконе влиятельнейшего гражданина страны, толпа на миг смолкла.

— Чего вы хотите? — спросил математик.

Из массы черни, дышащей винными парами, бесцеремонно выдвинулся приземистый человек в широком хитоне с серебряными пряжками на плечах. Под складками его одежды угадывался большой кинжал.

— Справедливости! — выкрикнул предводитель. — Ты, Пифагор, и твои ученики живете в свое удовольствие, а мы работаем на вас. Вы нежитесь в роскоши, а наши дети умирают от голода. Вы не знаете, что такое труд, а мы об отдыхе только мечтаем.

Голос оратора и его агрессивный вид показались смутно знакомыми Пифагору. Математик хотел возразить, но он привык оперировать точными цифрами и работать с четкими утверждениями, которые требовалось доказать или опровергнуть. Поэтому Пифагор только усмехнулся:

— Ты несешь ахиною. Мы тоже работаем.

— А-ха-ха! — грубо рассмеялась пьяная толпа. — Поглядите-ка, он работает! Покажи мозоли на своих руках!

— Мы производим самое важное — знания! — запальчиво крикнул Пифагор.

Слово перехватил предводитель престоляродья. Факел отбрасывал резкие тени на его искаженное злобой лицо.

— Ваши знания вы превращаете в тайну! Вы надменны и скрытны. Никто из нас не ведает, что творится за этими стенами. Ваше братство отгородилось от всего мира. Как вы используете добытые тайны? Какие обряды вы там совершаете? Каким богам поклоняетесь? Мы требуем ответа!

— Ответа! Ответа! — загудела толпа.

Сотни негодующих глаз буравили Пифагора. В фигурах людей читалось алчное нетерпение, словно голодный люд смотрел на пир из-за решетки.

— Числу, — выдохнул математик и, видя, что его не расслышали, бесстрашно выкрикнул: — Мы поклоняемся Числу!

Он хотел объяснить величие и могущество самого точного божества, но толпа его опередила.

— Нет такого бога!

— Он издевается над нами!

— Он научился считать, чтобы обкрадывать нас!

— Тихо! — взмахом руки остановил этот балаган предводитель. Чувствовалось, что из всех собравшихся он единственный точно знал, чего хотел. — В последнем походе наши воины собственной кровью одержали тяжелую победу. Горожане поддерживали их всем, чем могли. Армия вернулась с огромной добычей. Где сейчас это богатство?

Вожак восставших с поднятой рукой развернулся к замершей толпе. Народ, не дыша, ждал ответа. Выждав паузу, оратор резко ткнул указательным пальцем в направлении Пифагора.

— Все присвоили и разделили правитель города и пифагорейское братство! А простой народ опять оставили ни с чем! Это справедливо?

— Нет! — разом взревели сотни глоток.

— Кто в этом виноват?

— Он!

— Что за это полагается?

— Смерть! Смерть!

Народ, угрожающе размахивая факелами, придвинулся к стенам здания. Шум толпы не позволял обвиняемым ответить. Пифагора одернул один из учеников:

— Покиньте балкон, учитель. Вы только раздражаете их.

Математик отступил вглубь комнаты. Человек в хитоне с серебряными застежками проводил его сверкающим взглядом триумфатора.

— Кто управляет безумцами? — спросил Пифагор о предводителе разгневанной толпы.

— Силон. Много лет назад вы не приняли его в священное братство математиков. Он затаил на вас злобу.

— Черная зависть способна сделать из жалкого неудачника мстительного преступника, — скорбно покачал головой Пифагор. — Где правитель города? Почему он не идет нам на помощь?

— Он с охраной сбежал еще утром, во дворце остались только слуги.

Отдельные крики за стенами слились в яростный гул разбушевавшегося моря. На балкон упал горящий факел. Самый юный из учеников торопливо спихнул его вниз и вернулся к Пифагору.

— Они поджигают стены здания, — испуганно сообщил юноша. Его красивые глаза расширились от ужаса.

Математик поднял печальный взгляд и задумчиво произнес:

— Как жаль, что я не успеваю.

— Учитель, наш дом сейчас сгорит!

Пифагор спокойно посмотрел на перепуганного молодого человека, ободряюще похлопал его по предплечью и сказал:

— Паника плохой советчик, друг мой. Идем к братству.

По широкой лестнице математик спустился в просторный центральный зал, где его ждали более двух десятков встревоженных учеников. Среди них были как юные, с невесомым пушком на подбородке, так и зрелые мужи с окладистыми бородами. Долгие годы Пифагор отбирал самых способных к математике и посвящал их в волшебный и таинственный мир чисел. Они жили как братья и достигли выдающихся результатов, но не спешили выносить их за стены этого здания. Открывшаяся красота и безукоризненная грациозность математического мира сохранялась ими, как бесценный сосуд в священном храме науки. С помощью добытых знаний они строили модель окружающего мира и не хотели представить публике неоконченную работу. Однако сегодняшний день рушил эту систему.

Математик остался стоять на предпоследней ступеньке лестницы. Отсюда он был лучше виден и слышен.

— Братья, — обратился Пифагор к собравшимся, — мы много лет поклонялись его величеству Числу. В благодарность за наше упорство и терпение оно открыло нам немало удивительных тайн. Среди них есть поистине великие, способные улучшить окружающий мир. Мы бережно хранили их и передавали только друг другу. Нашим знаниям многие завидуют. Зависть гложет их маленькие души, они боятся нас и хотят уничтожить. Вы слышите, как разгораются стены этого доброго дома, служившего нам защитой. Здесь нас посещало озарение. Здесь

мы создали атмосферу, где сам воздух пропитан числами и формулами. Мы дышали и наслаждались ими. Но сегодня я призываю вас навсегда покинуть это здание. Попытайтесь спасти наши рукописи. Вы должны вырваться из огня и разъехаться по всей Греции. Пришло время поделиться нашими знаниями с обществом. Отныне вы не ученики, а учителя. Наши достижения в математике не должны пропасть втуне!

Взволнованное братство загудело.

— Учитель, с кем пойдете вы?

— Я стар и останусь здесь.

— Но, учитель...

— У вас нет времени! Спешите! Расходитесь по дому и выбирайтесь через разные окна. Кто-нибудь из вас обязательно вырвется. — Пифагор жестом остановил ропот. — И помните о моей последней великой проблеме. Те, кто останутся в живых, должны приложить максимум усилий для ее решения. Если у вас не получится, передайте задачу своим ученикам. Эта загадка должна быть решена.

В дальнем углу зала вспыхнула занавеска, огонь прополз по стене и лизнул потолок.

— Пора. Бегите! — махнул рукой Пифагор.

Он дождался, пока ученики в смятении покинули зал, и направился в свою комнату в правом крыле здания. Старый математик плотно прикрыл дверь, подоткнул под нее одеяло и сел за стол. У него еще остаются минуты, чтобы заняться любимым делом.

В последние дни на рабочем столе Пифагора неизменно лежала запись самой знаменитой его теоремы:

$$\alpha^2 + \beta^2 = \gamma^2,$$

что означало: в любом прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. Ниже были начертаны тройки целых чисел, удовлетворяющих этой формуле, во главе с самой красивой из них: 3, 4, 5. Была здесь и ошеломляющая комбинация: 99, 4900, 4901. Такие числа ученики называли пифагоровыми тройками, их учитель изобрел метод отыскания магических троек и доказал, что их существует бесконечно много.

Но стоило в том же уравнении всего лишь заменить степень 2 на 3, как все непостижимым образом менялось. Заурядная задача превращалась в архисложную. Вот уже год Пифагор не мог найти ни одной комбинации целых положительных чисел, удовлетворяющих новому уравнению третьей степени. С этой же проблемой не могли справиться и его энергичные ученики. Простое, на первый взгляд, уравнение не давалось никому.

Великий математик погрузился в раздумья. Ему страстно хотелось отыскать эти загадочные сочетания цифр, чтобы завершить свою жизнь, наслаждаясь новой победой разума над тайнами мира чисел.

В комнате становилось жарко, сквозь щели проникали тонкие струйки удушливого дыма, но увлеченный мудрец лишь прикрыл рот тонким платком, смоченным в вине. Он чувствовал, что блуждает где-то рядом с удивительной разгадкой.

Под напором огня затрещала дверь, пламя ворвалось в маленькую комнату, охватывая желтыми щупальцами стол и стул под Пифагором. Математик вздрогнул. Но не от языков пламени, коснувшихся его одежды, а от замечательной идеи, как вспышка молнии озарившей его сознание.

А вдруг он ищет то, чего не существует? Ведь в математике даже отрицательный результат — тоже полноценное достижение. Таких целых чисел нет вообще! И вот тому прекрасное доказательство!

Пифагор быстро записал строгие математические выкладки, доказывающие его идею, и тут же схватил рукопись, намереваясь выбраться из комнаты: новое достижение не должно погибнуть, он обязан его спасти!

Математик рванулся к двери, проем дышал жарким пламенем. Тогда он устремился к окну. Рука схватилась за подоконник, там — спасение! И тут ему на спину грузно упала горящая балка. Пифагор рухнул, попытался встать, однако почувствовал, что ноги не слушаются его.

И тогда он успокоился. Закрыв глаза, великий учитель окунулся в умопомрачительную Красоту гениального доказательства. Огонь полз по его одежде, но счастье, охватившее его дух, было выше боли брэнного тела.

Пифагор умер абсолютно счастливым.

Изумленный опер Виктор Стрельников нещадно корил себя. Где же его хваленая наблюдательность, которую так ценят коллеги? Как он сразу не узнал в этой принципиальной старушке с умным цепким взглядом ту строгую, но совершенно нестандартную учительницу математики из специализированной школы? А ее жизнерадостные присказки: «дважды два — четыре» и «дважды два — пять» — как их можно забыть? Первая, одобрительная, сопровождалась сдержанной улыбкой, а вторая — колючим ехидным взглядом.

Вишневская еще в те годы дерзко игнорировала раннюю седину и совершенно не красила волосы. Серебряная изморозь только начинала отвоевывать жизненное пространство в черных локонах молодой женщины, и вот — одержала безоговорочную победу.

Надо отдать должное, седина ее не портила. Модная одежда и современный макияж Валентины Ипполитовны всегда выделяли ее среди серых коллег, но сильная хромота в сочетании с незаурядным интеллектом и нетерпимостью к чужим ошибкам отпугивали потенциальных женихов. Она и раньше была одинокой, и сейчас Стрельников не заметил на ее безымянном пальце обручального кольца.

Валентина Вишневская раздробила левую ногу в юности в результате жуткой автомобильной аварии. Стоял вопрос об ампутации, но нашелся хирург-кудесник, который по кусочкам собрал сломанные косточки и сохранил красивой девушке живую ножку, хотя она и получилась короче и уже не такой стройной и гладкой, как невредимая правая. Так пятнадцатилетняя озорная Валя Вишневская превратилась из расцветающей красавицы в жалкую хромоножку. Одноклассники от нее отвернулись.

В студенческие годы развязные парни порой обращали на Валю внимание, но с одной единственной целью. Они считали, что девушка с дефектом более покладиста и не станет возражать, если они, такие крепкие и полноценные, завалят ее в постель. И бывало, что Валя верила наглцам и дарила им себя слепо и беззаветно. Но после каждого такого случая ее ждало горькое разочарование.

Победитель не утруждал себя ухаживаниями и нежностями, потому что искренне верил, что благодетельствовал калеку и имеет теперь право пользоваться ею, когда угодно. Особо циничные рассказывали о ней сальные истории и называли «хромой давалкой». Чаще всего так поступали невзрачные парни, которых отвергли красивые девушки. Вырвавшись из-под гнета собственной неполноценности, они превращались в безжалостных нравственных уродов.

Сполна хлебнув подобного «счастья», Валентина Вишневская после окончания педагогического института уже не верила ни одному мужчине и всячески сторонилась любых знаков внимания с их стороны. Сны о красивом принце, который нежным поцелуем снимет с нее оковы хромоты, остались в прошлом, подушка больше не намокала от девичьих слез. Вишневская сосредоточилась на работе. Не на карьере и показных результатах, а на повседневном незаметном труде школьной учительницы математики.

Она стремилась заинтересовать, удивить и увлечь учеников изучением своего любимого предмета. Свободное время Валентина посвящала самообразованию, сферой ее интересов являлось все многообразие проявлений законов науки в повседневной жизни. Особенно увлекали ее неразгаданные научные тайны. Она щедро делилась полученными знаниями и часто отступала от рекомендаций школьной программы, за что ей неизменно доставались шишки на педсоветах и восторг в глазах учеников.

Трудно сказать, чем бы закончилось столь своенравное поведение молодой учительницы в советской школе, если бы не случай. Мама одного из учеников поделилась сомнениями на ее счет со своей подругой. Та узнала подробности и поведала о странной учительнице своему отцу, директору лучшей в Ленинграде специализированной школы с математическим уклоном. Опытный руководитель навел справки, побывал на ее занятиях, и вскоре Валентина Ипполитовна Вишневская была переведена в его школу. Здесь приветствовались увлеченные преподаватели с нестандартным подходом и широкой эрудицией.

Валентина Ипполитовна поправила яркий шифоновый платок на шее и подошла к Стрельникову, продолжавшему пребывать в растерянности рядом с портретом Пифагора.

— Вы, Виктор, учились в нашей школе до седьмого класса, а потом перешли в обычную.

— Да, Валентина Ипполитовна, у вас хорошая память.

— Пока не жалею. Я даже помню ошибки в ваших контрольных.

— Они были так интересны?

— Нет. Просто у других учеников они почти не встречались, а у вас их было много. Это запоминается. Вы правильно сделали, что сменили школу. — Бывшая учительница мягко улыбнулась.

Стрельников смущенно крякнул, словно почувствовал себя на уроке.

— Это не я. *Вы* посоветовали родителям, — напомнил он.

— Разве? — женщина выразительно прищурилась, словно обращалась к ученику у доски. — И вы об этом жалеете?

Старший лейтенант с улыбкой покачал головой. Его глаза торопливо пробежались по книжным полкам и вернулись к портрету Пифагора. Оперуполномоченный выпрямил спину и бодро отрапортовал:

— Возвращаясь к вашему вопросу, Валентина Ипполитовна, могу с уверенностью заявить, что проживающий здесь гражданин занимается математикой.

— Как дважды два — четыре!

Милиционер зарделся от давно забытой похвалы.

— Его зовут Константин Данин, — продолжила Вишневецкая. — Он на пять лет старше вас и был одним из лучших учеников нашей школы. Вы понимаете, что это значит?

— Догадываюсь. Ошибок в его контрольных вы уж точно не припомните.

— Зато я помню его красивые решения.

— Да-а, о каждом из нас остается *своя* память.

— Это лучше, чем полное забвение. Белое и черное предпочтительнее грязно-серого, — успокоила опытный педагог. — Вы были очень непоседливым мальчиком, и вот теперь — старший лейтенант милиции, сыщик! Я, признаться, всегда завидовала этой профессии. Родись я мальчишкой, глядишь, была бы вашим начальником.

Пожилая женщина вздохнула, и в этом жесте действительно почувствовалось сожаление. Вспомнив о своих прямых обязанностях, оперуполномоченный спросил:

— Где сейчас работает Константин Данин?

— В последнее время нигде. То есть работает, конечно, но дома.

— Дома? — Стрельников явно заинтересовался услышанной информацией. — Неужели нигде не ценят гения?

— Гением быть нелегко, Виктор. — Учительница сделала вид, что не заметила иронии в словах милиционера. — У них несколько иные представления о том, что такое успех или счастье.

— Это меня и пугает. Если Данин нигде не работает, значит, в момент убийства он мог находиться в квартире.

Вишневская скептически посмотрела на старшего лейтенанта.

— Я думаю, это неправильная версия. Как дважды два — пять!

— Вы что-то знаете? — с плохо скрываемым неудовольствием спросил Стрельников. — Софья Евсеевна упоминала о сыне, когда возвращалась домой?

— Нет, она ничего ни о ком не сказала. Спешила за кошельком.

— А кошелек, между прочим, на месте, — сквозь зубы процедил оперативник. Профессиональная уверенность вновь вернулась к нему. — Так чаще всего и случается, когда убийство происходит на почве бытовой ссоры.

— Да не ссорились они!

Милиционер снисходительно взглянул на пожилую женщину. Уж он-то мог бы поведать наивной учительнице о той грязи и мерзости, которая порой творится во внешне благополучных семьях и выползает наружу в виде таких вот бессмысленных убийств.

Входная дверь отворилась, в прихожей зашуршала снимаемая верхняя одежда. Стрельников мгновенно напрягся, прижался к стене, рука потянулась к наплечной кобуре. В голове просчитывались варианты: вернулась врач скорой, только что покинувшая квартиру, или пришел каяться главный подозреваемый? Бывшая учительница неодобрительно следила за рукой милиционера.

В дверях комнаты появился худой взлохмаченный мужчина с залысинами. На его вытянутом лице выделялись крупные пластмассовые очки с обмотанной изолентой дужкой. Неравномерная щетина на щеках говорила о том, что брился он дня три назад,

Літературно-художнє видання

БАКШЕЄВ Сергій
Формула вбивства

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. О. Назаренко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 14.03.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

БАКШЕЕВ Сергей
Формула убийства

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Назаренко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 14.03.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефону справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Хтось убив матір вченого-математика Костянтина Даніна і вкрав його наукові надбання, яким він присвятив півжиття. У вбивстві підозрюють самого Даніна. Допомогти Костянтину намагається його шкільна вчителька Валентина Іполітівна разом зі своїми колишніми учнями Танею і Феліксом. Вони починають власне розслідування. Валентина Іполітівна підозрює, що вбивцю варто шукати серед колег Костянтина, які також намагалися довести велику теорему Ферма...

Бакшеев С.

Б19 **Формула убийства** : роман / Сергей Бакшеев. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 256 с.

ISBN 978-617-12-4527-3

Кто-то убил мать ученого-математика Константина Данина и украл его научные наработки, которым он посвятил полжизни. В убийстве подозревают самого Данина. Помочь Константину пытается его школьная учительница Валентина Ипполитовна вместе со своими бывшими учениками Таней и Феликсом. Они начинают собственное расследование. Валентина Ипполитовна подозревает, что убийцу нужно искать среди коллег Константина, которые также бились над доказательством великой теоремы Ферма...

УДК 821.161.1

Марк Ривун — необычный человек с потрясающими музыкальными способностями. Когда он был маленьким, его родители погибли в автотрагедии, а дядя даже с помощью многочисленных нянь не мог справиться с малышом. Причина — голос мальчика. Марк попал в детдом и через несколько лет, поняв свою особенность, научился управлять высотой голоса и удивительным образом влиять на людей. Своим голосом он может вызвать самые разные эмоции, но только не любовь, которой так жаждет. Марк решает, что причина в строении носоглотки, и однажды вскрывает горло успешному оратору. Со временем подобных убийств становится все больше и больше.